

10 ФЕВРАЛЯ — 147 ЛЕТ СО ДНЯ СМЕРТИ А. С. ПУШКИНА

Тема «Пушкин и Петербургский университет» до недавнего времени не привлекала внимания историков Университета и пушкиноведов. Наш интерес к этой теме был пробужден обращением к «Запискам» историка, этнографа, фольклориста Н. А. Маркевича, в частности, к той части, которая озаглавлена «Университетский пансион» [Рукоп. отдел ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 488, оп. I, № 82].

Неопубликованные записки Н. А. Маркевича являются ценным источником при изучении послепетлицейского периода жизни и творчества А. С. Пушкина (1817—1820).

Мемуары Маркевича основаны на дневниковых записях и позволяют установить ряд новых фактов биографии поэта, подробности, мнения и оценки им политических событий, привлечших внимание Александра Сергеевича.

Он воспевал мечту прекрасную свободы...

© А. С. Пушкин. Автопортрет, 1820 год.

ЗНАЧЕНИЕ воспоминаний Н. Маркевича неизмеримо возрастает, если учесть, что в конце 1825 г. «при открытии несчастного заговора» поэт сжег свои дневники и автобиографические записки, которыми он занимался «несколько лет сряду». «Они могли замешать многих и, может быть, умножить число жертв...» Литературовед И. Фейнберг, работавший над восстановлением текстов сожженных «Записок» Пушкина, утверждает, что они отражали «былое и думы» поэта, в целом их можно было бы озаглавить «Пушкин и его время». (Фейнберг И. «Читая тетради Пушкина». М. 1976).

Александр Сергеевич Пушкин в послепетлицейский период (1817—1820 гг.) был тесно связан с Благородным пансионом при Петербургском главном педагогическом институте и Университете. Здесь с 1817 по 1821 год учился младший брат поэта — Лев. «Александр Сергеевич часто приходил к брату, — пишет Соболевский, — и мы сходились большей частью у Кюхельбекера, учившего нас русской словесности и жившего вместе с М. И. Глинкою в мезонине над пансионом».

Николай Андреевич Маркевич также свидетельствует, что в эти годы он часто встречался с Пушкиным у Кюхельбекера и на квартире поэта, когда он «жил в доме своего отца над Фонтанкою».

В это время между Маркевичем и Александром Сергеевичем установились весьма близкие и доверительные отношения. «При прощании с Пушкиным, — вспоминает мемуарист, — я получил от него в подарок на память два стихотворения: «К Каверину» и «На лире скромной, благородной». Он вырвал их для меня из своей красной книги». (Хранятся с дарственной надписью Маркевичу — ИРЛИ, ф. 244, № 23, 26).

Продолжая рассказ о встречах с Пушкиным, Маркевич приводит свой разговор с поэтом, состоявшийся 20 февраля 1820 г.: «В это время решено было сослать его в Испанию, где тогда была революция... «Меня венчанный солдат хочет кинуть в омут революции, где, думает он, я шею себе сверну, — говорил мне Пушкин, — но он крепко ошибся: я сверну шею Фердинанду, научусь по-испански и стану испанцем «в душе». Царь, — пишет Маркевич, — изменил первоначальное намерение и сослал Пушкина в Бессарабию».

Таким образом, дневниковая запись Маркевича позволяет установить весьма важный факт биографии Пушкина, характеризующий революционный дух поэта, который намеревался стать участником Испанской революции. Запись также свидетельствует, что Пушкин знал о подлинных планах и намерениях царя, готовившего расправу над ним.

Весьма вероятно, что в январе — феврале 1820 г. Александр I рассчитывал на силы

Фердинанда и испанской реакции в подавлении революции, терпевшей на первом этапе поражение. Именно поэтому царь решил таким образом — отправив в Испанию — избавиться от наводнившего всю Россию «возмутительными стихами» Пушкина, которого он ранее собирался сослать в Сибирь. Однако позднее, когда король Испании вынужден был объявить конституцию кортесов, царь изменил свое решение.

24 марта 1820 г. Н. Тургенев записывает в дневнике: «...Слава тебе, славная армия испанская! Слава испанскому народу».

Между тем интерес Пушкина к Испании сохранился. Пушкин изучил испанский язык уже «в зрелом возрасте», как свидетельствует отец поэта Сергей Львович, и с большим интересом следил за событиями в этой стране.

Позднее, в 1824 г., в стихотворении «Недвижный страж дремал» поэт с горечью констатировал:

За Пиренеями давно ль
судьбой народа
Уж правила свобода
И самовластие лишь
север укрывал?

Н. А. Маркевич был принят в компанию В. Кюхельбекера, А. С. Пушкина и их друзей, и «это открывало мне тайны литературные тех лет (1817—1820), вместе с ними доходили до меня многие вести политические».

В живом творческом общении Маркевича с А. С. Пушкиным, Кюхельбекером и их окружением родились яркие антимодержанные и антикрепостнические оценки лиц и событий, дошедшие до нас в неопубликованных «Записках» Маркевича.

«Александр I — «кочующий деспот» ездил в Вену, Верону, ездил в Лейбах. Священный союз процветал. Маркевич записывает: «Священный союз был не что иное, как заговор царей против народов».

О революционных событиях на Западе юный друг Пушкина пишет: «Беспокойство в Испании, карбонарство в Италии, восстание греков в Турции поразили ум Александра окончательно».

К этим событиям было приковано внимание Пушкина и его друзей. Известно, что поэт намеревался принять участие в начавшемся в 1821 г. восстании греков.

Вот как оценивает мемуарист правление Николая I — «забвенного», который «налег всюю тяжестью безучастного камня на все сословия, все презирал, все упослужал, хотел отгородить нас от просвещения и чести китайскою стеною и успел развить воровство и подлость во всех слоях общества, начиная от главнокомандующего и министров до последнего комиссариатского приемщика. Отврати глаза от этого уничижительного для России и для человечества предмета».

Позднее Маркевич запишет: «...О добрый мой Пушкин! Ты

понял человека, когда сказал: «Он корчит нам Петра, сбивается на Павла».

«Ужаснее всего, — пишет мемуарист, — были дела Аракчеева. Он был всемогущ. Часто исчезали молодые люди из семейств, офицеры из полков, говорили о таких, что они в крепости, в Сибири, в Неве... Это были дела графа Алексея Андреевича...».

Н. А. Маркевич сообщает о распространенных в столице карикатурах и эпиграммах: «Пушкин писал очень много эпиграмм на высших сановников и самого царя».

Наиболее ярким выражением реакционной политики после Отечественной войны 1812 г. была организация в России военных поселений. Созданные по инициативе Александра I и под непосредственным наблюдением всемогущего временщика Аракчеева, военные поселения горячо осуждались в кругу А. С. Пушкина. Ярко и убедительно характеризует Маркевич цели и задачи, преследуемые устроителями военных поселений. «Мысль была какая? Новгородские поселения могут усмирить Северо-Западную Россию, харьковские — Юго-Восточную, херсонские — Юго-Западную, а все вместе взятые — Москву». Здесь же высказывается суждение, что военные поселения могут обрушить свою силу против их создателей.

«Легионы римские, — записывает далее Маркевич, — сменявшие самопроизвольно римских императоров, — это меч обоюдоострый, могущий поразить того, на кого обращен, равно и того, кто извлек его из ножен». Вряд ли столь зрелые политические оценки были плодом самостоятельных размышлений 14—15-летнего Маркевича. Известно, что Пушкин проявлял большой интерес к военным поселениям. В письме к П. В. Мансурову в Новгород он просил сообщить ему о военных поселениях.

В Благородном пансионе и Петербургском университете сложился дружеский круг, со многими членами его А. С. Пушкин был связан до конца своей жизни. Это великий композитор М. И. Глинка и видные деятели русской культуры и друзья Пушкина: Соболевский, Маркевич, Нащокин, Струговщиков, Мельгунов, Подолинский, Панаев, профессора Куницын, Галич, Арсеньев, Кречетов, Плетнев, первый ректор Университета Балугьянский и другие.

Благотворное влияние, которое оказал Пушкин как борец против деспотизма и самовластия, вославивший свободу «во след Радищеву», на целую плеяду видных ученых и питомцев Петербургского университета, — это частица огромного вклада великого поэта в развитие самых передовых и светлых традиций русской культуры и общественной мысли.

Е. КОСАЧЕВСКАЯ,
доцент,
кандидат исторических наук